

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви: [Канонизация святых в Русской Церкви от начала христианства в России до 1549 годов] // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 7. С. 55–60 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви.

II.

Канонизація святыхъ въ Русской церкви отъ начала христіанства въ Россіи до Макаріевскихъ соборовъ 1547—1549-го годовъ.

Если исторія канонизаціи святыхъ въ древней Греческой церкви остается почти совсѣмъ неизвѣстною для насъ, такъ что мы принуждены довольствоваться въ ней почти что одними предположеніями, то исторія канонизаціи святыхъ въ нашей Русской церкви, представляя истинно пріятную противоположность съ древне-греческой исторіей, извѣстна намъ настолько удовлетворительнымъ и достаточнымъ образомъ, что жалобы на скудость свѣдѣній были бы несправедливы и неосновательны ¹⁾. Исторія канонизаціи

¹⁾ Очень можетъ быть, что исторія канонизаціи святыхъ въ позднѣйшей Греческой церкви извѣстна столько же достаточнымъ образомъ, какъ и въ Русской церкви, и что только намъ остается она неизвѣстною. Напечатано довольно значительное количество послѣдованій или службъ новымъ Греческимъ святымъ; возможно, что въ предисловіяхъ къ этимъ послѣдованіямъ есть и о канонизаціи святыхъ. Но мы не могли имѣть ихъ въ рукахъ и знаемъ о нихъ лишь по извѣстной библиографической книгѣ *Νεοελληνική Φιλολογία Παπαδόπουλο Βρετο*. Впрочемъ, если судить по тому, что говорится о канонизаціи Греческою церковію святыхъ въ Греческомъ учебникѣ церковной исторіи профессора Аѳинскаго университета и Аѳинской духовной семинаріи (Ризаріевой школы) *Α. Διομήδα Κυριακά (Δοκίμιον ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας)*, — первое изданіе, которое мы имѣемъ въ рукахъ, 1872-го года, то должно полагать, что свѣдѣній нѣтъ, ибо въ рѣчи г. Діомида Кириака о канонизаціи святыхъ въ Греческой церкви органичиваются полуротра строками, которыя суть: *οἱ ἅγιοι ἐκρηβύττοντο κατὰ μικρὸν καὶ ἀνεπισθῆντως ὑπὸ τοῦ λαοῦ*, т. е. святые мало по малу и незамѣтно были провозглашаемы народомъ,—стр. 170 sub fin.

разные періоды времени имѣть разное по широтѣ и ясности содержаніе. Такъ какъ, далѣе, Богъ открывалъ людямъ истины не только многократно, но и многообразно (*πολυτρόπως*—Евр, 1, 1), т. е. чрезъ разныхъ лицъ, при разныхъ обстоятельствахъ и разными способами, то и принадлежащее къ одной эпохѣ библейское ученіе должно носить на себѣ слѣды нѣкоторыхъ своеобразныхъ особенностей. Особенности эти касаются исходныхъ точекъ зрѣнія св. писателей, ихъ приемовъ изложенія, способовъ доказательства, своеобразной терминологіи, однимъ словомъ всего того, что, стоя въ зависимости отъ личныхъ особенностей боговдохновенныхъ писателей и характера читателей, составляетъ человѣческій факторъ, дѣйствующій рядомъ съ божественнымъ въ моментъ вдохновенія свыше. Однако эти особенности св. писателей не простираются до того, чтобы нарушать единство истины, напротивъ онѣ содѣйствуютъ раскрытію всѣхъ сторонъ и отгѣнковъ ея, подобно тому какъ разнообразіе листьевъ дерева не только не нарушаетъ идеи единства ихъ природы, но и помогаетъ составить точное представленіе о послѣдней. Подвести подъ общее понятіе и обозначить однимъ какимъ либо словомъ то, что составляетъ безусловное единство, и то, что составляетъ, выражаясь библейскимъ языкомъ, „многообразіе“ въ св. писаніяхъ, мы не находимъ возможнымъ. Извѣстное разграниченіе содержанія, или сущности и формы, какимъ пользуются иногда въ такомъ случаѣ, не отличается ни точностью, ни опредѣленностью. Если и кажется намъ, что мы ясно представляемъ отношеніе формы къ содержанію, то это не болѣе какъ заблужденіе, имѣющее своимъ источникомъ перенесеніе физическихъ отношеній въ область отвлеченныхъ понятій. Въ дѣйствительности же едва ли возможно сказать, гдѣ кончается форма, и гдѣ начинается содержаніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ особенности св. писателей по извѣстному вопросу сводятся повидимому къ различію въ терминологіи, все же нельзя сказать, что содержаніе здѣсь одно, форма же различна, такъ какъ каждый синонимъ выражаетъ особый отгѣнокъ въ самомъ понятіи, т. е. имѣетъ особое, ему одному только свойственное содержаніе, вслѣдствіе чего, строго и точно говоря, одинаковое содержаніе необходимо предполагаетъ и одинаковую форму,

а разная форма—разное содержаніе. Границы единства и разнообразія въ ученіи св. писателей должны быть указаны не въ общихъ выраженіяхъ, но съ научною опредѣленностью, особо для каждаго отдѣльнаго случая. Раскрыть единство и разнообразіе въ изложеніи божественныхъ истинъ св. писателями и объяснить происхожденіе этого разнообразія и составляетъ задачу библейскаго богословія.

Какъ видно отсюда, библейское богословіе отличается отъ догматическаго, какъ историческая наука отъ систематической. Въ то время какъ догматика излагаетъ истины вѣры въ одной общей системѣ, устраняя все временное, случайное и условное, что находитъ въ библии, библейское богословіе, наоборотъ, имѣетъ цѣлью представить постепенное развитіе божественнаго откровенія съ сохраненіемъ специфическихъ особенностей раскрытія его у св. писателей въ хронологическомъ порядкѣ. Итакъ, имѣя самостоятельную область, библейское богословіе имѣетъ право на самостоятельное существованіе рядомъ съ догматическимъ богословіемъ.

Если мы спросимъ, почему, однако, библейское богословіе не приобрѣло еще права гражданства у насъ, въ Россіи, хотя время отъ времени и появляются труды по частнымъ его вопросамъ, то причинъ этого мы должны искать въ исторіи этой науки.

Наука эта получила свое происхожденіе не слишкомъ давно. До половины прошлаго вѣка мы не встрѣчаемъ даже и наименованія библейскаго богословія, какъ особой науки, хотя зачатки его и были даны ранѣе. Пока церковное ученіе мыслилось на западѣ въ полномъ согласіи и единствѣ съ библейскимъ, до тѣхъ поръ не было поводовъ ни къ научному изложенію послѣдняго, ни къ обособленію его отъ догматическаго богословія. Библейское богословіе предполагалось тогда *implicite* въ церковномъ, какъ его основаніе и источникъ. Впервые библейское богословіе выступило на видъ со временъ реформаціи. Исходя изъ формальнаго принципа о единомъ источникѣ вѣроученія, реформація отвергла католическую догматику, какъ несогласную съ библейскимъ ученіемъ, и въ своемъ богословіи старалась воспроизвести ученіе библии въ чистомъ его видѣ. Отсюда у реформаторовъ мы встрѣчаемъ первыя попытки научнаго

изложенія библейскаго богословія. Первоначально онѣ имѣли у нихъ видъ свода толкованій на такъ называемыя *dicta probantia* или *loci classica*, т. е. на мѣста изъ св. писанія, приводимыя въ доказательство тѣхъ или другихъ догматическихъ положеній. Таковы напр. Sebastian Schmidt, *Collegium biblicum*, 1671; Hülsemann, *vindiciae S. S. per loca classica sistem. theol.* 1716; Zickler, *ausführliche Erklärung der Beweissprüche der heiligen Schrift*, 1753—1765. Подобный же характеръ отрывочнаго догматическаго экзегеса носили и попытки рационалистовъ обосновать свое пониманіе христіанства на почвѣ библии. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, библейское богословіе не отдѣлялось отъ догматическаго. Оно служило лишь оправданіемъ догматики и имѣло поэтому характеръ полемическій. Какъ особая самостоятельная наука, при этомъ съ характеромъ не полемическимъ, а чисто историческимъ, библейское богословіе впервые является у Габлера въ его академической рѣчи: *de justo discrimine theologiae biblicae et dogmaticae regundisque recte utriusque finibus*, произнесенной въ 1789 году. Въ ней Габлеръ выясняетъ задачу библейскаго богословія такимъ образомъ. Такъ какъ въ моментъ вдохновенія св. писатель есть не механическое, безсознательное орудіе, но живой, сознательный органъ съ опредѣленными индивидуальными чертами, то и писанія его должны носить на себѣ слѣды его индивидуальности. Происходящее отсюда разнообразіе въ изложеніи, раскрытіи и обоснованіи истинъ вѣры св. писателями вызываетъ нужду и интересъ чисто историческаго изученія религиозныхъ понятій каждаго св. писателя въ отдѣльности въ строго-хронологическомъ порядкѣ и сравненія ихъ между собою въ точкахъ ихъ соприкосновенія. Этой нуждѣ и удовлетворяетъ библейское богословіе. Такое пониманіе библейскаго богословія со временъ Габлера принято почти всеобще въ этой наукѣ. Итакъ нашей наукѣ не болѣе столѣтія. Естественно поэтому, что она не привилась еще у насъ въ Россіи. Есть и другія, повидимому, болѣе серьезныя основанія этого обстоятельства, — основанія, лежащія въ послѣдующей судьбѣ этой науки на западѣ.

Тамъ, гдѣ вопросъ касается различенія сходныхъ или одинаковыхъ по существу вещей, всегда есть опасность пре-

увеличить различіе, доводя его до противоположности. Въ частности и библейское богословіе, имѣющее цѣлью подмѣтить и выяснить специфическія особенности въ религіозныхъ представленіяхъ каждаго св. писателя, то же не чуждо этой опасности. Здѣсь возможно преувеличить различіе или между церковнымъ ученіемъ и библейскимъ, или между ученіями разныхъ св. писателей, и въ этомъ преувеличеніи видѣть обоснованіе и оправданіе самой науки. Первое дѣйствительно случилось въ богословіи католическомъ, второе — въ богословіи протестантскомъ, точнѣе рационалистическомъ. Католическіе богословы, въ силу особенныхъ историческихъ обстоятельствъ вынужденные признать существенное различіе между библейскимъ и церковнымъ ученіемъ, и стараясь объяснить его теоріею догматическаго развитія церкви, въ этой теоріи видятъ и условіе существованія библейскаго богословія, какъ особой науки, отличной отъ догматическаго богословія. Отсюда всѣ католическія библейскія богословія предполагаютъ въ своемъ основаніи принципъ догматическаго развитія церкви. Напротивъ, нѣкоторые протестанты, особенно съ рационалистическимъ направленіемъ, слишкомъ преувеличивая различіе между ученіями новозавѣтныхъ св. писателей, смотрятъ на нихъ, какъ на различные типы вѣроученія въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ доходящіе до противоположности. Такъ, напр., въ „библейскомъ богословіи Н. З.“ Бауера, представляющемъ первую попытку примѣненія Габлерова пониманія этой науки, рѣзко различаются „религіозныя теоріи“ трехъ первыхъ евангелистовъ, евангелиста Іоанна, Апокалипсиса, Петра и Павла. Де-Ветте въ „библейской догматикѣ В. и Н. З.“, отличая ученіе Іисуса отъ ученія апостоловъ, въ собственно—апостольскомъ христіанствѣ указываетъ два направленія: іудеохристіанское и гелленистическое, подраздѣляя послѣднее на два вида: александрійское и павлиническое. Представители тюбингенской школы, напр., Планкъ, Бауръ, Гильгенфельдъ и др., считая христіанство естественнымъ результатомъ взаимодѣйствія первоапостольскаго іудеохристіанства и анти-іудейскаго павлинизма, доводятъ разнообразіе въ ученіи апостоловъ до противоположности. Образуетъ самый существенный пунктъ въ библейскомъ богословіи этихъ ученыхъ, преувеличеніе свое-

образныхъ особенностей св. писателей является у рационалистовъ *conditio sine qua non* библейскаго богословія,

Вслѣдствіе указанныхъ двухъ обстоятельствъ фактическое существованіе библейскаго богословія могло мыслиться неразрывно или съ теоріей догматическаго развитія или съ рационалистическимъ ограниченіемъ и даже отрицаніемъ единства библейскаго ученія; какъ съ своими необходимыми предположеніями. По существу же дѣла объ эти теоріи нисколько не необходимы для библейскаго богословія и составляютъ въ немъ предвзятая мнѣнія, вредящія самому содержанию его.

На самомъ дѣлѣ, о теоріи догматическаго развитія, какъ необходимомъ предположеніи библейскаго богословія, можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы библейское богословіе было такою же систематическою наукою, какъ богословіе догматическое, если бы оно въ одной системѣ излагало обще-библейское ученіе, игнорируя специфическія особенности каждаго св. писателя. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно было бы трудно разграничить библейское и догматическое богословія безъ предположенія теоріи догматическаго развитія. Равнымъ образомъ для библейскаго богословія остается вполне достаточный научный матеріалъ и тогда, когда разнообразіе въ раскрытіи истинъ вѣроученія у св. писателей не доводится до противоположенія ихъ основныхъ принциповъ и отрицанія одного другимъ. Не желая утомлять Вашего вниманія, мы не приводимъ здѣсь примѣровъ того, какъ весьма интересныя въ научномъ отношеніи, своеобразныя особенности новозавѣтныхъ писателей мирятся съ единствомъ ихъ ученія, такъ какъ примѣры эти указаны въ нашемъ сочиненіи.

Итакъ, если есть поводы относиться несочувственно къ западному библейскому богословію, то ихъ нѣтъ для того, чтобы отрицать самую науку. Въ истинномъ своемъ свѣтѣ эта наука вполне согласна съ принципами православія и тѣмъ болѣе необходима для насъ, чѣмъ болѣе злоупотребляютъ ею на западѣ—въ оправданіе вѣроисповѣдныхъ разностей.

В. Мышцынъ.
